

A photograph of a weathered stone wall with a window and a metal railing. The wall is made of light-colored stone and has a window with white shutters. A metal railing is in the foreground. The text "ΑΪΤΕΗ ΑΙΧΜΗ" is overlaid on the top part of the image, and "POST SKRIPTUM" is overlaid on the middle part of the image.

ΑΪΤΕΗ ΑΙΧΜΗ

POST SKRIPTUM

Айтен Акшин

Post scriptum

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299655

Post scriptum / Айтен Акшин: PEN-клуб Азербайджана; Баку; 2013

Аннотация

Возвращение в целом чревато неожиданными сюрпризами, тем более если пунктом назначения становится город детства. Но герой повести, эмигрировавший в годы, когда эмиграция была равносильна предательству, возвращается в город детства не за поисками следов утраченного. Он просто исполняет последнюю просьбу матери, не подозревая того, что ему предстоит пережить во время этой, отличающейся от всех других, командировки.

Айтен Акшин

Post scriptum

Он постоял еще немного у гостиничного окна, затем подошел к столику, сел в кресло и пробежал глазами написанное на открытке с видом на Монблан.

Скупые строчки ввали. Заныла грудь. Он встал. Прошелся по номеру. Зашел в ванную. Внимательно посмотрел на себя в огромном на всю стену зеркале.

Вернулся в комнату. Сел в кресло и вновь прочитал то, что уже знал наизусть.

«Дорогая Алия,

Очень хотелось увидеть тебя и всех наших. Надеюсь, что смогу приехать опять. Мой адрес и телефон Таят знает. Хотелось бы услышать тебя или прочитать написанную твоей рукой весточку. Обнимаю.

Али».

Написал под своим именем «P.S.» и остановился, решая что-то про себя.

Мягко зазвонил телефон. Отложив ручку, он подошел к кровати. Сел на нее и потянулся к вмонтированной у изголовья аппаратуре. Приятный голос с отработанным английским администраторов пяти-звездочных отелей сооб-

шил ему:

– Мистер Талят Рахим просил передать, что ждет вас в вестибюле.

– Спасибо.

Он взял свой мобильный телефон, перевел на беззвучный режим и положил в карман. Подошел к столику, подержал в руках открытку, затем вложил ее в конверт с адресом гостиницы, в которой остановился. Положил конверт во внутренний карман пиджака и вышел из номера.

Тут же вернулся. Прошел быстрым шагом к столику, взял ручку и снова вышел.

Талят залпом опорожнил содержимое маленькой стопки. Али, слегка пригубив, осторожно поставил перед собой. Поняв немой вопрос, усмехнулся.

– Сердце.

– Эх ты!

– Красиво стало тут у вас.

– Да, строят без остановки.

– Что про наших знаешь?

Талят пожал плечами.

– Немного. Лэла укатила после школы в Одессу, вышла замуж за какого-то предпринимателя. Серик после армии на севере застрял.

– А Гоги?

– Гоги далеко пошел. После Германии помывкался, правда.

– А сколько он там проработал?

– Сразу после училища, года четыре, кажется. В общем, пока всех не вытурили. А потом резко так в гору пошел, но не зазнался.

Вспомнив что-то, Талят задохнулся от смеха. Откашлявшись, начал было рассказывать:

– Помнишь Гогину привычку левое ухо подергивать? – но вновь зашелся смехом.

Глядя на него, Али тоже рассмеялся. И потом оба, уже не сдерживаясь, захохотали. Талят смешно хлопал по толстым коленям. Али, слегка запрокинув голову назад, прижимал одной ладонью грудь. Давясь от смеха и перебивая друг друга, они одновременно заговорили.

– А помнишь...?

– А помнишь...?

– Конечно, да, – прикладывая одной рукой носовой платок ко лбу, а другой продолжая держаться за грудь, кивал головой Али.

– А помнишь на физике...? – затрясся от смеха Талят, вытирая белоснежной салфеткой обильно текущие по лицу слезы.

* * *

Физику и астрономию лоботрясам обычной средней шко-

лы преподавал отказавшийся в свое время от кафедры в университете Леонид Львович Кесарь. За глаза школьники называли его «Леопольдом», так как добродушный и миролюбивый Леонид Львович действительно чем-то напоминал кота. Грустноватые серые глаза любимца старших классов страдали косоглазием и невозможно было наверняка определить на кого он смотрит, поэтому списывать на его контрольных работах решались только самые отчаянные. Во время перемен обе двери, лаборатории и кабинета физики, закрывались на ключ. Появляясь со звонком из маленькой двери лабораторной комнаты, Леонид Львович открывал дверь в кабинет физики, вновь исчезал за дверью лаборатории и торжественно выходил затем из двери, соединяющей классную комнату с лабораторией. Несколько минут терпеливо ожидая, пока невероятный гвалт рассаживающихся учеников не сменит тишина, он начинал урок необычайно тихим, как бы извиняющимся, голосом с одной и той же фразы: «Ну, как гранит науки? Не сломали еще зубы?»

В то утро все разбежались по классным комнатам, кроме учеников девятого класса «В», застывших перед закрытой дверью кабинета физики и растерянно озирающихся на дверь лабораторной. Голоса постепенно затихали на всех этажах и лишь гулким эхом в наступившей тишине отозвался топот ног опоздавшего на урок ученика из параллельного класса, бросившего на ходу, что только что на первом этаже он видел «физика» с директором.

– Уррра! – закричал тут же Талят.

Не договариваясь, как по команде, Серго, Али и Талят, подражая голосам мультяшных мышей, надоедавших коту Леопольду, затагнули:

– Леопольд, выходи! Выходи, подлый трус!

Через минуту весь класс, вытянувшись в сторону маленькой двери лабораторной комнаты, гнусаво вторил им. Из противоположной кабинету классной комнаты показалось рассерженное лицо преподавателя истории, но, увидев зашевелившуюся ручку двери кабинета физики, тут же исчезло. Ничего не замечающие школьники продолжали игру в заевшую пластинку, пока не открылась дверь.

На пороге стоял директор школы, а за ним Леонид Львович. Наступила гробовая тишина. Директор пытливо оглядел сбившихся в кучку девятиклассников и с визгливыми интонациями в голосе спросил:

– Кто кричал...? – не закончив фразу, тут же угрожающе добавил. – Если я сейчас же не узнаю, кто кричал это, эти отвратительные слова, то будет наказан весь класс.

Школьники молча стояли перед ним, опустив головы. Леонид Львович тронул директора за рукав и что-то тихо сказал ему. Директор насупился.

– Пороть их надо, а мы цацкаемся, – и затем, уже обращаясь к классу, добавил.

– Леонид Львович хотел бы сам разобраться. Очень надеюсь, что он не будет с вами... благодумничать.

Директор ушел. Виновато потупив головы, ребята вошли в класс и бесшумно сели. «Физик» с необычайно грустным лицом встал у доски. Было опять непонятно, на кого именно он смотрит. Тягостную тишину нарушил стук в дверь. Леонид Львович слегка развернулся корпусом в сторону приоткрывшейся двери, из проема которой вначале показалась жизнерадостная голова Гоги, а затем и весь Гоги с портфелем под мышкой. Придерживая одной рукой портфель, другой Гоги отчаянно закрутил мочку левого уха и затараторил:

– Леопольд Леонидыч, ой, изви... Леонид Леоп... Ой! Понимаете я, дело в том, что...

Не понимая отчаянных жестов Али, Серго и Талята, Гоги закрутил головой, не выпуская мочку левого уха, и окончательно запутался. Выученные наспех предложения, подтверждающие серьезность причины опоздания на урок, разом вылетели из его головы.

– Я того, этого... А че? – испугался он, заметив, как Талят стукнул себя кулаком по лбу, Али закрыл обеими руками рот, а Серик, недвусмысленно приложив палец к виску, сначала покрутил им, а затем, спустив воображаемый курок, упал ничком на парту.

– А я че, Леонид Львович! – вдруг возмутился Гоги. – Ну опоздал, ну не буду больше, ну. Честное слово!

Леонид Львович погладил седые усы и неожиданно для всех, подражая интонациям мультяшного кота Леопольда,

сказал:

– Р-р-ребята, давайте жить дружно!

Переглянувшись, ученики заулыбались. Улыбнулся и Леонид Львович. Ребята осторожно захихикали. Леонид Львович рассмеялся. Хватаясь за животы и показывая пальцем на серьезного Гоги, застывшего с портфелем под мышкой и теребящего себя за ухо, школьники захохотали, выпустив наружу накопившееся напряжение.

* * *

– Давно так не смеялся, – признался Али.

– Я тоже, – вытерев лицо салфеткой, сказал Талят. – Так вот, торчу я, значит, уже битый час на переговорах. Все чин чинном. Тарабаним мы, значит, с Аськой, я тебе потом про нее расскажу. Я тогда на таком уровне синхронный пока никому не доверял. Ну – не суть. Зацепился я, понимаешь, на мужике. Сидит и ухо себе дергает, как только ему что-то не нравится. Пригляделся – так это же Гоги! Я-то слышал про него, но все равно не сразу узнал. Ну там значит, кофе-брейк, туда-сюда, подхожу к нему, знаешь так официально, представляюсь. Он рассеянно смотрит куда-то мимо меня, вяло жмет руку. И тут я ему: «А что это вы на «Астрономию» положили?» Помнишь это Леопольд ему сказал, когда на контрольной он не знал куда деть учебник, из которого списывал, и сел на него?

Али утвердительно кивнул головой.

– Короче, Гоги тут как схватится за ухо, а потом давай меня тискать и приговаривать: «Талят, баран ты паршивый!»

Легкая улыбка все еще играла на губах Али. Талят повернул голову к соседнему столу, за который сели две женщины и, внимательно оглядев обеих, вновь перевел взгляд на Али.

– А ты-то как?

– Нормально.

– Мы ведь только урывками что-то узнавали о тебе.

– Утряслось... А ты?

Словно давно ожидая этого вопроса, Талят заторопился.

– Все отлично. За карьерой не гонюсь, у.е. имеется. Разъезжаю, вижу свет, а что еще надо?

– В принципе, не так-то много.

– А как тетя Мила? – желая переменить тему, спросил Талят.

Али выдержал паузу. Талят вопросительно смотрел на него.

– Мама..., маму я похоронил год тому назад. Бабушку через два года после переезда.

– Изви...

Талят неуклюже крякнул и вновь налил себе. Сделав большой глоток, взгляделся в задумавшегося Али, внезапно постаревшего глубокими складками на лбу.

Принесли горячее. Талят быстро разделался с бифштексом, посыпая обильно каждый отрезанный кусок перцем.

Али, заказавший только суп, осторожно пил его маленькими глотками. Отложив ложку, потянулся за салфеткой, увидев, как задвигалась и замигала оранжевым квадратиком лежащая на столе трубка его мобильного телефона.

– Ты еще занят?

– Нет, нет. Я уже в ресторане. Встретил одноклассника.

– Там?

– Да.

– А он кто?

– Вообще-то переводчик, но на этих переговорах...

– А как прошли переговоры?

– Нормально, ты же знаешь, что я не только ради этого приехал.

– Знаю. И все-таки, получится с ними что-то?

– Может получится, а может и нет. Давай смотреть проще.

– Ты это из-за мальчиков так расстроился?

– Как они?

– Матиас должен мне перезвонить. Я позвоню тебе, как только переговорю с ним еще раз.

– Может все-таки дождетесь меня?

– Нет, лучше это сделать без тебя. Все будет хорошо, Ал.

– Конечно.

Проводив глазами, отошедшего к стойке бара Али, Талят вновь повернулся к соседнему столу. Пройдя сквозь стек-

лянную крышу ресторана, солнечные лучи падали на пальмовые ветви, нежно рассыпаясь на сидящих за столиками вокруг фонтана с журчащей водой. Вообразив себя одним из этих лучиков света, Талят скользнул взглядом поверх головы сидевшей за соседним столиком женщины в ярко-красном платье, прищурился и словно нечаянно погрузился в ее темные прямые волосы.

Зажмурившись от удовольствия, осторожно открыл глаза и увидел себя уже выскочившим у нежно-розовой мочки уха. Медленно, растягивая удовольствие, осторожно спустился вниз по нервно вздрогнувшей на шее жилке и приготовился к тому, чтобы с бешеной скоростью устремиться в головокружительное путешествие собственной фантазии по соблазнительной ложбинке, обрамленной тканью алого цвета с двух сторон.

Нелепый поднос с расставленными на нем бокалами резко возник перед глазами. Талят глотнул холодной воды и, недовольно покрутив шейей, отвернулся. Официант удалился на цыпочках. Поискав глазами Али у стойки бара, он приподнял стакан с водой. Али поднял в ответ ладонь. Оглянувшись на соседний столик, Талят перехватил затем взгляд женщины в ярко-красном платье и, отложив в сторону стакан с водой, быстро взял стопку с водкой, приподнялся, галантно поклонился ей, выпил до дна и сел с довольным видом. Неожиданно для него женщина встала и подошла к нему. Талят внимательно смотрел на нее снизу вверх. Не выдержав пау-

зы, она, томно потянувшись, вопросительно оглядела его и выпустила сквозь полураскрытые губы:

– Вы хотели что-то?

Таляту стало скучно. Он встал, взял ее за руку и, поднеся к губам тонкие пальцы, затем ловко просунул себе под мышку, прижал локтем и повел ее обратно. У столика, высвободив ее руку, еще раз поцеловал, затем отодвинул стул, помог ей сесть и, глядя на нее уже сверху вниз, не менее томно произнес:

– Я хотел лишь выпить за ваше здоровье. На большее не смею рассчитывать.

Али вернулся к столу и уже отсюда наблюдал за манипуляциями Таляты. Усадив даму, Талят неторопливо подошел и сел напротив него.

– Проблемы?

– Нет. Жена звонила.

– А я вот принципиально без мобильного. И так покоя нет ни днем, ни ночью.

Али кивнул головой.

– А с женой на каком говоришь?

– Она наполовину русская, по отцовской линии.

Талят вдруг затрясся от смеха.

– Я... вспомнил, как ты утром вдруг зашпарил на французском... с моим боссом... А Нортон глаза вылупил..., – вытерев лицо салфеткой, он уже спокойно продолжил. – Ду-

маешь, «мой» не говорит на английском. Это он перед Нортонем так. Не переносит его. Вообще американцев не любит. Еще говорит, что лучший язык в мире – это французский, а лучшая религия – это католицизм. И вот я, понимаешь, с этим каждый день...

– А что ты не женишься? – неожиданно перебил его Али.

– А зачем? – Талят криво ухмыльнулся и, бросив мимо-летний взгляд на соседний столик, добавил. – Мне и так нескучно.

– Вижу.

Талят довольно хмыкнул, потом вдруг грустно сказал:

– При моей жизни и вечных разъездах. Какая уж тут семья? Я уже старик, Али, конкуренции не выдерживаю.

– Ладно, не прибедняйся.

– Давай еще раз за встречу.

– За какую?

– Обижаешь, старик. За эту, конечно.

– У меня вода.

– У меня тоже... почти...

Али пригубил воду. Талят плеснул себе еще немного водки и опять разом осушил стопку.

– Помнишь старую церковь, ну музей, в который мы любили ходить всем классом?

– Конечно, помню. Что в банк переделали?

Словно не услышав едкой насмешки в вопросе Али, Талят спокойно продолжил:

– Отреставрировали. Действующая теперь. Аля все это пробивала.

– Алия? А она какое к этому отношение имела.

– А она вечно там, где голый неоплачиваемый энтузиазм требуется.

Али всмотрелся в сытое лицо Талята.

– А ты?

– А я – нет.

Али поймал себя на том, что Талят начинает его постепенно раздражать. Словно угадав его мысли, Талят шумно втянул ноздрями воздух и спросил:

– Чего ты придираешься, Алик?

Вопрос Талята повис в воздухе. Али боролся с неожиданно выросшим в нем чувством неприязни к бывшему однокласснику. Воспользовавшись этим молчанием, Талят горячо и быстро заговорил.

– Знаешь, иногда мне кажется. Речь не о тебе, конечно, только, вот... – он запнулся, пытаясь подыскать подходящие слова. – Впечатление такое, что те, кто в свое время... выбирались отсюда теперь никак не могут примириться с тем, что, ну вроде, зря пострадали, а мы – вот отсиделись тут, из дерьма выбрались, отряхнулись и теперь живем спокойненько. Ты тоже так думаешь, да?

Талят пытливо смотрел на Али.

– К сожалению, не все спокойненько живут, – задумчиво возразил Али, – а только те, кто по-новому крутиться на-

учился.

– Сами виноваты, – тут же парировал Талят. – Кто не работает, тот не ест. А в ноги падать и прощения просить никто ведь не будет.

У Али потяжелел взгляд. Он погрузился в себя и казалось уже ничего не слышал, а Талята понесло.

– А что всем эмигрантам памятники теперь ставить, да? А потом с ними выгодные для них сделки заключать, да? Да, тут иностранцев хоть пруд пруди и... без болезненного отношения к прошлому и к тому, что кто-то когда-то эмигрировал.

Словно услышав только последнее слово, Али эхом отозвался.

– ...эмигрировал..., – затем добавил. – У моего отца только гроб с его телом эмигрировал. Он мне никогда не снился... там. А здесь... всю неделю... каждую ночь приходит...

Талят, неловко крякнув, смолк и только сейчас увидел, что Али сидит, как-то ссутулившись и уставившись в одну точку.

Документы на выезд собирали по крупницам. Отец Али долгими месяцами бессмысленно ходил по кабинетам. От него отмахивались, как от назойливой мухи, часто откровенно хамили. А он упорно ходил тенью за теми, от кого зависела подпись справок и справочек, одержимый одним – выбраться во чтобы то ни стало. Его унижали. Мать Али зна-

ла это и плакала по ночам, закрывшись в ванной. Бабушка уговаривала все бросить, перестать упорствовать, переехать в другой город и начать все заново там, где никто не знает этой затеи с эмиграцией, наивно полагая, что такое еще возможно. Отец слег. По вечерам начала приходить участковая врач, молча делать уколы и также молча уходить. От Али все тщательно скрывали, думая, что он ничего не знает, пока однажды полный мужчина в сером пальто, выйдя из черной машины, не произнес заранее подготовленную речь и не повторил несколько раз слова того, кому во всем подражал: «А кому у нас не нравится, пусть уезжает! Пусть уезжают и не надо им препятствовать, товарищи!»

Али глотнул воды. Талят рассматривал едва заметные узоры на однотонной скатерти. Почувствовав на себе взгляд, поднял глаза. Али словно прорвало.

– Да, что вы вообще о нас знаете?! Что вы вообще в этом понимаете?! «Выгодные сделки», – передразнил он Талята, – да, ты знаешь какой у меня там бизнес был?

– ...

– Вставать в четыре утра и с пяти часов хлеб печь, каждый день, без выходных... семь лет, а потом я не спать шел, а мусор собирать.

– Алик, я же...

– Обида у меня какая-то сидит, – не слушая его, продолжал Али, – злость какая-то, понимаешь. Не могу это пере-

бороть, не могу забыть, как выезжали, как у нас на границе последнее отнимали, как в лицо плевали, как издевались.

– А зачем забывать, Алик? Ты не забывай, но и зла не держи. Смысл какой? На время не обижаются. Время такое было. Сейчас ведь все по-другому.

– По-другому? – Али усмехнулся. – По-другому, говоришь. Гостиницы красивые, дорогие рестораны, дома построили суперэлитные. Тут, кажется, любят это слово. Даже при рекламе джинсов используют, потому что... мозги все те же.

– Да что ты, Алик. Ребята молодые все сейчас у вас там учатся, стажировку проходят.

– Не знаю, где там ребята наши молодые, – отрезал Али, – а вот девочки по борделям распределены.

– А я, – запальчиво продолжал Талят, – разве смог бы раньше тысячу зеленых в неделю иметь? Какая зарплата у людей была?

– Зато нищих на улице не было.

– Да, все были нищими.

– Хвалишься, что тысячу в неделю имеешь, а знаешь почему? Потому что налоги с них не платишь.

– А ты что – налоговая полиция, что ли? – Талят насупился, помолчал немного, потом добавил. – Алик, ты ведь скоро лет двадцать уже будет, как уехал, и как ты можешь так сразу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.